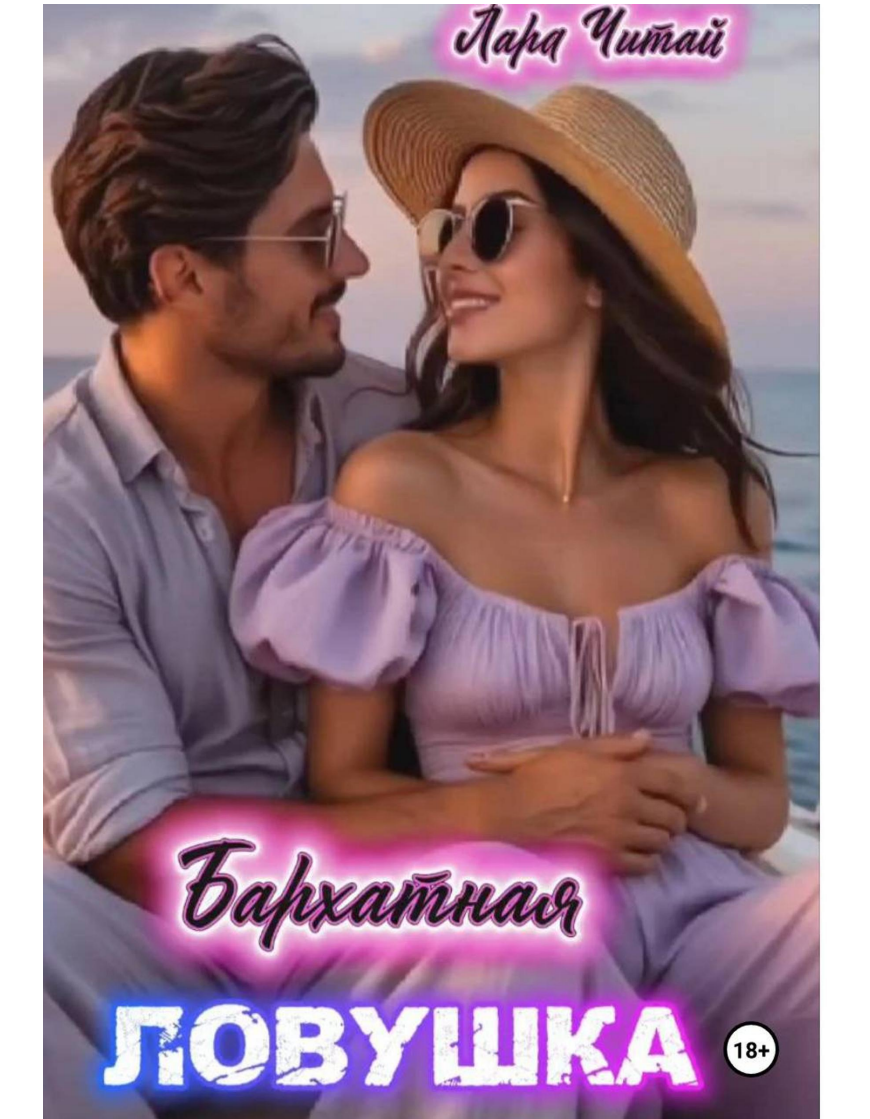

A romantic couple is shown in a close embrace on a beach. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a light blue button-down shirt and sunglasses. The woman, on the right, has long dark hair, wears a wide-brimmed straw hat, sunglasses, and a light purple off-the-shoulder top. They are both smiling and looking at each other. The background shows the ocean and a sunset sky with soft orange and pink hues.

Лара Читай

Бархатная

ЛОВУШКА

18+

Лара Читай

Бархатная ловушка

<https://litres.ru/74208073>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я устал от этой твоей нервозности. Мы в раю. Я трачу кучу денег и сил, чтобы ты была счастлива. А ты ты ищешь проблемы. То в телефоне копаешься, то об учебе заводишь разговор в таком месте. Я — старше. Я знаю жизнь. Я строю для нас крепость. И мне нужна верная жена. Хранительница очага.

Под кристальной водой тропической лагуны скрываются тёмные глубины предательства. Невинное любопытство к телефону мужа открыло мне дверь в кошмар.

Я оказываюсь в ловушке между виртуозным манипулятором, который называет себя моим мужем, и опасной незнакомкой из его прошлого, жаждущей мести. Чтобы выжить и сохранить себя, мне придётся из наивной жертвы превратиться в расчётливого игрока. Ведь в этой игре на выживание правда страшнее любой измены.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	43

Лара Читай

Бархатная ловушка

Глава 1

Глава 1. Солёный ветер обещаний

Я никогда не думала, что вода может быть такого цвета. Она лежит под нами, под стеклянным полом нашего бунгало, и переливается — не просто бирюзой, а какими-то невозможными оттенками: лазурь, циан, изумрудная зелень на мелководье у песка. Это как смотреть в самоцвет, в который вселилась жизнь.

Я стою босиком на прохладном стекле и чувствую лёгкое головокружение. Не от высоты — от всего. От этого внезапного прыжка в другую реальность. Ещё вчера мы были в Москве, в промозглom ноябре, под хлопьями первого мокрого снега, а сегодня — это. Воздух густой, тёплый, сладкий от запаха каких-то цветов и солёный от моря. Он обволакивает, как сироп.

— Нравится?

Его руки обнимают меня сзади, подбородок ложится на макушку. Виктор. Мой муж. Эти слова до сих пор отдаются внутри странным эхом. Мы женаты три дня.

— Это нереально, — выдыхаю я, откидываясь на него. — Кажется, мы с тобой украли кусочек рая.

Он смеётся, и смех его грудной, уверенный. Он всегда уверен. Во всём. Это и притягивало с первой встречи в том переполненном кафе, когда он, не смущаясь, уступил мне последний столик, а потом пригласил на ужин тем же вечером. В его мире нет места сомнениям. Как будто всё — от выбора вина до решения жениться — это просто следующий логичный шаг на идеально прочерченной карте.

— Это только начало, Алиночка, — говорит он, целуя меня в висок. — Я обещал тебе самую сказочную жизнь. И я всегда держу слово.

Его слова должны согревать. И они согревают. Но иногда, как сейчас, в их тепле проскальзывает едва уловимая тяжесть. Обещание, которое звучит как приказ. Сказка, сценарий которой написан только им.

Я отворачиваюсь от этого ощущения, гоню его прочь. Это моя голова, вечно всё усложняющая, вечно ищущая подвох в идеальной картинке. Меня так воспитали — смотреть на мир с вопросом «а что, если?». Мама-бухгалтер и папа-инженер не оставляли места для слепой веры в чудеса. Чудеса надо просчитывать.

Но сейчас я не хочу ничего просчитывать. Я хочу тонуть в этой синеве.

— Распаковаться успела? — спрашивает Виктор, отпуская меня и направляясь к мини-бару.

Я оглядываюсь на наш чемодан — вернее, на его чемодан, огромный и кожаный, и мой скромный саквояж, который он в аэропорту с лёгкой усмешкой называл «кошачьей переноской». В нём почти всё, что у меня есть из «отпускной» одежды: пара сарафанов, купленных на распродаже, бикини, которое я шила сама, и несколько книг по архитектуре. Не совсем мальдивский гламур, но Виктор ещё в Москве отвёл меня в бутик и купил целый гардероб: белые платья, шелковые комбинезоны, шляпу с широкими полями.

— Моя жена должна выглядеть безупречно, — сказал он тогда, и в его тоне была такая непоколебимая нежность, что возражать было немыслимо.

— Ещё нет, — признаюсь я. — Просто стояла и смотрела.

— Не торопись, — он протягивает мне бокал с шампанским. Лёд в серебряном ведёрке уже подтаивает, но здесь и тёплое шампанское кажется нектаром. — У нас целая вечность. Давай выпьем за неё.

Бокалы звонко встречаются. Пузырьки щекочат нос. Я ловлю его взгляд — карие, тёплые глаза, которые на меня всегда смотрят с обожанием. Таким я его полюбила. Таким он был на свадьбе, когда мы обменивались кольцами — его рука была на удивление твёрдой, а в глазах стояла влага. В тот момент я думала: вот он, мой человек. Мой якорь.

— Что думаешь о завтра? — спрашивает он, делая глоток. — Я забронировал для нас снорклинг с черепахами у соседнего атолла. Потом обед на частном пляже. А вечером... —

он улыбается, и в уголках его глаз собираются лучики морщинок, которые так меня безумно цепляют, — ...вечером я тебя удивлю.

— Звучит как расписание маршрута по заводу, — шучу я, но голос звучит более нервно, чем хотелось бы. — Может, просто побродим? Посмотрим, куда ноги приведут?

Он на мгновение замирает. Потом улыбка становится шире, но не достигает глаз.

— Алиночка, я всё продумал до мелочей. Чтобы у тебя остались самые лучшие воспоминания. Доверься мне.

И снова это.

— Доверься мне. Как будто я не доверяю. Я доверяю. Просто иногда хочется, чтобы он спросил: «А чего хочешь ты?»

Но я не говорю этого вслух. Вместо этого улыбаюсь в ответ и делаю глоток шампанского.

— Конечно. Черепахи — это здорово.

Он удовлетворённо кивает и отвлекается на свой телефон. Он почти не выпускает его из рук, даже здесь. Деловые вопросы, говорит. Автосервис от родителей — это не просто гараж, это сеть. Ответственность. Я это понимаю. Но когда он печатает сообщение, его лицо становится сосредоточенным, отстранённым. Совсем другим.

Чтобы развеять тишину, я подхожу к огромной панорамной двери, ведущей на террасу с бассейном, и распахиваю её. В комнату врывается шум — не городской гул, а живой, дышащий звук океана. Рокот прибоя где-то за лагуной. Кри-

ки чаек. Шёпот пальмовых листьев.

— Пойду осмотрюсь! — кричу я ему навстречу ветру и выбегаю босиком на тёплую деревянную палубу.

Вода в нашем частном бассейне сливается с лагуной, создавая иллюзию бесконечности. Я сажусь на край, опускаю ноги в тёплую воду и закрываю глаза, подставляя лицо солнцу. Оно здесь совсем иное, не московское — щедрое, ласковое, обжигающее кожу за считанные минуты.

— Ты замужем, Алина. Ты в раю. У тебя красивый, успешный муж, который боготворит тебя. Что ещё нужно?

Нужно, чтобы этот червячок сомнения наконец замолчал. Чтобы я могла принять эту сказку без оглядки, без этого вечного внутреннего вопроса: «А точно ли это моя сказка?»

Сзади слышу шаги. Виктор подходит, садится рядом. Его телефон лежит на столике, он наконец-то оставил его в покое.

— Прости, — говорит он тихо, беря мою руку в свои. Его пальцы слегка шершавые от работы с двигателями, но прикосновение нежное. — Я иногда забываюсь. Дела, дела... Но сейчас я только с тобой. Пообещай, что скажешь, если я снова начну уплывать.

Я смотрю на наши переплетённые пальцы. На его обручальное кольцо — простое, платиновое, матовое. На моё — с крошечным бриллиантом, который ловит солнечный зайчик и бросает радугу на дерево палубы.

— Обещаю, — шепчу я. И в этот момент, это правда. Я

хочу верить в этот момент больше всего на свете.

Он наклоняется и целует меня. Это долгий, неторопливый поцелуй, в котором есть и страсть, и та самая обещанная вечность. И когда я открываю глаза, вижу за его спиной бездонное тропическое небо, и кажется, что всё возможно. Что мы — возможно.

— Люблю тебя, — говорит он, и его голос низкий, хрипловатый от эмоций. — Ты моё самое главное приобретение.

Слово «приобретение» режет слух. Но я цепляюсь за «люблю». Только за него.

Позже, когда Виктор уходит в ванную принимать душ, я остаюсь одна в огромной, пропитанной солнцем комнате. Решаю наконец распаковать вещи. Аккуратно развешиваю его безупречные рубашки и свои новые платья в гардеробе. Открываю свой старый саквояж, и оттуда пахнет домом — запахом моих книг, духами, которые я купила на первую стипендию. Здесь, на дне, лежит мой старый блокнот с эскизами. Я открываю его на случайной странице. Там набросок фасада библиотеки, которую я мечтала когда-нибудь построить. Светлая, с высокими окнами и витыми колоннами. Мир до Виктора.

Из ванной доносится шум воды. Я быстро закрываю блокнот и засовываю его обратно на дно, под стопку белья. Как будто совершаю что-то запретное.

Мой взгляд падает на его телефон, лежащий на тумбочке. Он вибрирует, экран загорается на долю секунды. Я вижу

уведомление: «1 новое сообщение от Ксюша».

Сердце замирает на мгновение. Ксюша. Он никогда не упоминал ни о какой Ксюше. Друзья, партнёры, бывшие — всех он представлял, называл по именам. Никогда не было тайн.

Телефон замолкает. Экран гаснет.

Я стою посреди комнаты, и солёный ветер с океана вдруг кажется холодным. Это, конечно, ерунда. Коллега. Клиент. Родственница. У него сотни контактов.

Но почему тогда это имя — просто «Ксюша» — без фамилии, без обозначения, кажется таким личным? Таким близким?

Шум воды в ванной прекращается. Я отворачиваюсь от телефона, подхожу к стеклянному полу и снова смотрю вниз, в переливающуюся воду. Там, в глубине, мелькнула тень — большая, плавная. Скат или просто игра света.

Рай всё так же прекрасен. Солнце всё так же греет. Но где-то в самом низу живота, под восторгом и шампанским, теперь шевелится крошечная, холодная точка страха. Необъяснимого. Беспричинного.

Я обещала доверять. Я буду доверять.

Просто ещё одна тень. Просто ещё одно имя. Ничего большего.

Солёный ветер доносит до меня его голос из ванной.

— Алиночка, иди сюда! Посмотри, какой вид из окна!

Я натягиваю улыбку, такую же яркую, как мальдивское солнце, и иду к нему. Наслаждаться сказкой. Пока она длится.

Глава 2

Глава 2. Шёпот волн

Душ оказался не просто душем. Это была целая мраморная пещера с тропическим ливнем и окном во всю стену, открывающимся прямо на лагуну. Вода стекала с меня, смешиваясь со струями из душа, а я смотрела на рыбок, резвящихся в кристальной воде под нами.

— Видишь? Даже гигиенические процедуры здесь — искусство, — сказал Виктор, обнимая меня за талию мокрыми руками. Его тело было твердым, надежным за моей спиной. — Я выбрал лучшее. Для тебя.

Я прижалась к нему, позволив теплой воде смыть остатки напряжения. Мыться под дождем, глядя на океан — это было безумие. Прекрасное безумие. Я закинула голову назад, и он поцеловал меня в шею, в ту чувствительную точку под ухом, от которой все внутри обрывалось в свободное падение.

«Ксюша», — внезапно вспыхнуло в сознании, как удар тока.

Я вздрогнула.

— Что? Замерзла? — он сразу же прибавил горячей воды, обернул меня в пушистый халат с логотипом курорта.

— Нет, нет, — засмеялась я, и смех прозвучал фальшиво даже в моих ушах. — Просто... мурашки от счастья.

Он улыбнулся, поймав мою ложь, но приняв ее за комплимент.

— Привыкай. Таких мурашек будет много.

Пока он одевался, я натянула один из новых сарафанов — белый, из легчайшего хлопка, который струился по телу. Виктор одобритительно кивнул, застегивая дорогие шорты.

— Идеально. Ты в белом — это что-то неземное.

Ужин был подан на нашей личной палубе. Сотни свечей в стеклянных колбах отражались в темной теперь уже воде, превращая пространство в мерцающий грот. Официант, бесшумный как тень, приносил блюда: тартар из тунца, лобстер на гриле, десерт из манго и кокосовой пенки. Виктор заказал бутылку белого вина, о котором говорил с сомелье на каком-то своем, недоступном мне языке — языке ценителей, дегустационных нот и урожаев.

Я слушала, откусывала нежнейшее мясо, улыбалась. И чувствовала, как та холодная точка внизу живота понемногу обрастает ледяными щупальцами. «Ксюша» не уходила. Она висела между нами, как невидимый третий гость за этим романтическим столом.

«Спроси. Просто спроси. Скажи: «Кто звонил?» Это же нормально»

Но мой рот был полон сладкой пенки, а язык отказывался формировать слова. Я боялась. Боялась, что его уверенная улыбка дрогнет. Боялась, что в его глазах появится то самое отстраненное выражение, которое бывало, когда он говорил

о «недалеких» партнерах или «назойливых» клиентах. Боялась разрушить этот хрупкий, идеальный вечер, который он так тщательно выстраивал.

— О чем задумалась? — его вопрос заставил меня вздрогнуть. Он наблюдал за мной через пламя свечи. Его лицо в танцующих тенях казалось загадочным, почти чужим.

— Просто... все как во сне, — выпалила я первую пришедшую в голову банальность. — Боюсь проснуться.

— Не бойся, — он протянул руку через стол, его пальцы закрыли мою ладонь. — Этот сон — наша новая реальность. И я позабочусь, чтобы тебе в ней было хорошо. Всегда.

Его рука была теплой, сильной. Но вместо успокоения его слова вызвали новый приступ тревоги. «Позаботиться». «Сделать хорошо». Как будто я — ценный, но пассивный объект, о котором нужно хлопотать. Не соучастник. Не партнер.

Я отпила вина, чтобы смыть ком в горле.

— Завтра, после черепах, думаю, стоит заглянуть в спа-салон отеля, — продолжил он, отпуская мою руку и разрезая лобстера. У него это получалось элегантно и без усилий. — У них есть ритуал для молодоженов. Ароматерапия, массаж на двоих. Надо расслабиться, ты вся напряжена после перелета.

Меня передернуло от слова «надо».

— Знаешь, может, не завтра? — осторожно сказала я. — Я, может, просто позагораю, почитаю...

Он поднял на меня глаза, и брови чуть приподнялись.

—Алиночка, мы здесь всего на неделю. Я хочу успеть показать тебе все самое лучшее, дать попробовать. Нельзя терять время.

В его тоне не было раздражения. Была мягкая, отеческая настойчивость. Та самая, что заставляла меня в Москве соглашаться на рестораны, которые он выбирал, на фильмы, которые он хотел посмотреть, на встречи с его друзьями вместо моих. Он всегда знал лучше. И мне, в общем-то, обычно нравилось то, что он выбирал. Зачем спорить?

— Конечно, — сдалась я. — Ритуал для молодоженов звучит здорово.

Он улыбнулся, как учитель, похваливший смышленного, но слегка упрямого ученика.

Позже, когда мы лежали на огромной кровати под балдахином из москитной сетки, слушая шум прибоя, я повернулась к нему.

— Витя, а кто такая Ксюша?

Слова вырвались сами, тихо, почти шепотом, но в тишине комнаты они прозвучали как выстрел.

Он лежал на спине, глядя в потолок. Не шелохнулся. Пауза затянулась на две, три, четыре секунды. Мое сердце колотилось так, что, казалось, его слышно.

Потом он медленно повернул голову ко мне. В полумраке я не могла разглядеть его выражения.

— Ксения? — произнес он спокойно. — Откуда ты зна-

ешь это имя?

— Твое телефон... было уведомление. Когда ты в душе был. Просто мелькнуло. Извини, я не специально...

— Не извиняйся, — он перевернулся на бок, лицо его теперь было ближе. Оно было серьезным, но не злым. — Ксения — моя бывшая. Из глупой юности. Расстались очень давно и очень некрасиво.»

— Она... пишет тебе? — голос предательски дрогнул.

— Почему ты не сказал? — прошептала я.

Он прикоснулся к моей щеке.

— Зачем? Чтобы омрачить тебе настроение? Чтобы ты, вот как сейчас, не спала и думала о какой-то... о ней? Ты — мое настоящее. Мое единственное. Она — прошлое, которое давно сгнило. Я даже контакт ее удалил, но видимо, она с новых номеров пишет.

Он помолчал.

— Ты ревнуешь?

В его вопросе прозвучала легкая, почти заигрывающая улыбка. Как будто моя ревность была милой, немного смешной и очень лестной для него.

— Нет, — соврала я, чувствуя, как тепло разливается по щекам. — Просто... удивилась.

— Не удивляйся и не переживай, — он притянул меня к себе, обнял. Я уткнулась носом в его грудь, вдыхая знакомый запах его одеколона и чего-то своего, просто мужского. —

Ты моя жена. Законная. И я тебя люблю. Все остальное — пыль.

Он говорил так убедительно. Так искренне. Его сердце билось ровно и спокойно под моей щекой. Логика его слов была безупречна. Да, зачем говорить о надоедливой бывшей на медовом месяце? Это разумно. Это по-взрослому.

Я хотела верить. Отчаянно хотела.

— Прости, — пробормотала я в его кожу. — Я глупая.

— Ты не глупая. Ты моя, — он поцеловал меня в макушку. — Спи. Завтра нас ждут черепахи.

Я закрыла глаза, стараясь подстроить свое дыхание под его. Через некоторое время он заснул. Его дыхание стало глубоким и ровным.

А я лежала и смотрела в темноту сквозь сетку балдахина. Над океаном висела огромная, незнакомая южная луна. Ее свет серебрил гребни далеких волн.

«Пыль», — повторила я про себя его слово.

Но почему-то эта «пыль» не давала мне уснуть. Она царапалась о сознание, как мелкий, навязчивый песок. Он удалил контакт. Но уведомление пришло с именем, а не с номера. Значит, номер был сохранен в телефоне. Под именем.

Или он солгал о том, что удалил?

Или... или это было не первое сообщение, и телефон запомнил имя сам?

Мой мозг, проклятый, вечно все анализирующий мозг, запустил механизм сомнения. Как шестеренки в старых часах.

Тик. Так. Ксю-ша. Пыль. Тик. Так. «Очень некрасиво». Тик. Так. Почему «некрасиво»? Тик. Так. Он сказал «расстались давно», но «последние пять месяцев пишет». Значит, вышли на связь недавно. Почему?

Я ворочалась, пытаюсь найти удобное положение. Рядом Виктор мирно спал, хозяин своей жизни и, казалось, своих снов.

А я, его законная жена в раю, чувствовала себя так, будто стою на самом краю стеклянного пола, под которым вместо лагуны внезапно открылась черная, неведомая глубина.

Шёпот волн за окном теперь казался не колыбельной, а бесконечным, неумолчным перешептыванием. О чем-то, чего я не могла разобрать.

Глава 3

Глава 3. Вес черепашьего панциря

Солнце на рассвете было слепящим и милосердным. Оно сожгло ночные страхи, превратив их в смутное, постыдное воспоминание. Я решила быть умнее. Не позволять призракам из прошлого Виктора портить наше настоящее. Он был прав — я его жена. Законная. А она — пыль.

— Выглядишь потрясающе, — сказал Виктор за завтраком, подавая мне тарелку с идеальной нарезкой папайи. Он уже был собран, в новых дорогих плавках и поляризационных очках, излучая энергию человека, который владеет миром и готов показать его лучшие уголки своей женщине.

— Готова к приключениям?

— Готова, — ответила я, и на этот раз в моем голосе прозвучала если не полная уверенность, то хотя бы решимость ее изобразить.

Катер мчал нас к соседнему атоллу. Ветер рвал волосы, солёные брызги щипали кожу. Виктор стоял рядом с капитаном, обсуждая маршрут и мотор, и я видела, как тот смотрит на моего мужа с неподдельным уважением. Виктор умел располагать к себе людей, особенно тех, кто разбирался в «железе» и деньгах. Это было его стихией.

Наш гид по снорклингу, Даниэль, оказался улыбчивым

мальдивцем с белозубой улыбкой. Он раздал нам маски, ласты и коротко проинструктировал.

— Главное — не гоняться за ними, — говорил он, кивая в сторону воды. — Черепахи — они как старики-мудрецы. Подпустят, если почувствуют уважение. Если будете метаться — уплывут.

Мне понравилось это сравнение. Я хотела быть такой — спокойной, уважающей границы.

Мы сползли в воду с борта катера. Температура была идеальной. Как парное молоко. Я опустила лицо в воду, и мир взорвался красочным безумием. Коралловые сады фантастических форм и оттенков, стайки неоновых рыбок, которые двигались как единый сверкающий организм, проплывающая вдалеке огромная, гипнотически медлительная рыба-наполеон.

А потом я увидела Её.

Она плыла над коралловым склоном, величественная и древняя. Её панцирь, покрытый водорослями и шрамами, был похож на карту неизведанных земель. Она работала ластами без суеты, мощно, и каждый взмах уносил её вперед с грацией, которой позавидовал бы любой космический корабль. Я замерла, забыв дышать. Просто наблюдала.

Виктор, конечно, не мог просто наблюдать. Я увидела его краем глаза — он нырнул глубже и поплыл наперерез черепахе, пытаясь снять её на свою подводную камеру поближе. Черепаха, почувствовав вторжение, плавно изменила курс,

уходя в голубую даль. Виктор сделал ещё один рывок, но она была быстрее. Он всплыл рядом со мной, отплевываясь.

— Упрямая тварь, — сказал он, но в голосе звучало скорее азартное раздражение, чем злость. — Никак не дается в кадр.

— Может, не надо гоняться? — осторожно сказала я, вспоминая слова Даниэля.

Он посмотрел на меня через маску, его глаза были увеличены стеклом и казались чужими.

— А как ещё сделать хороший кадр? Иначе зачем мы тут? Он шлепнул ластой по воде и поплыл к катеру.

— Идём! Там, говорят, на другой стороне рифа манта плавают. Вот это будет зрелище!

Я ещё раз глянула в синеву, где растворилась тень черепахи. Мне не хотелось манта. Мне хотелось ещё понаблюдать за этим коралловым лесом, за его неторопливой, самодостаточной жизнью. Но Виктор уже махал мне с катера.

Через полчаса мы мчались к «лучшему месту для наблюдения за мантами». Ветер стал сильнее, небо на горизонте подернулось молочно-белой дымкой. Даниэль, прищурившись, сказал, что, возможно, будет небольшой шторм и стоит вернуться. Виктор отмахнулся.

— Ерунда. Мы же не из сахара, не растаем. Вы видели фото манта в прыжке? Вот такие мы сделаем.

Я чувствовала, как катер подпрыгивает на уже набравшей

волну воде. Желудок неприятно поднывал.

— Витя, может, правда...

— Алиночка, не будь занудой, — перебил он, но улыбался. — Это приключение!

Мы пришвартовались в открытом море у одинокого буя. Вода здесь была темнее, почти индиго. Волны качали нас из стороны в сторону. Даниэль нехотя сказал, что можно попробовать нырнуть, но недалеко и неглубоко. Мант сегодня, скорее всего, не будет — они не любят такую погоду.

Но Виктор уже надевал ласты.

— Хочешь со мной? — бросил он мне.

Меня качало ещё сильнее, от одной мысли о погружении в эту пугающую глубину мутило.

— Я... я, пожалуй, останусь.

— Как знаешь, — пожал он плечами, как будто моё решение было детским капризом, и кувыркнулся за борт

Я осталась сидеть на корме, крепко вцепившись в сиденье. Даниэль что-то проверял в двигателе, поглядывая на небо. Я смотрела на всплеск, где скрылся Виктор, и чувствовала себя предательницей, трусихой, плохой спутницей. Но мысль о погружении в эту бездну вызвала животный страх.

Прошло пять минут. Десять. Виктора не было. Волнение за мужа начало пересиливать страх. Я привстала, вглядываясь в воду.

— Обычно не ныряют так долго без акваланга, — заметил Даниэль, подходя. — Ваш муж... опытный пловец?

— Я... не знаю, — честно сказала я. Мы никогда об этом не говорили. Он просто всегда был во всем лучшим. Я предположила, что и в этом тоже.

Внезапно в двадцати метрах от катера вода вздыбилась, и на поверхности показалась голова Виктора. Он отчаянно махал рукой, но не в нашей стороне. Он что-то кричал, но ветер уносил слова.

— Что с ним? — в панике спросила я Даниэля.

Тот уже завёл мотор.

— Похоже, течение подхватило. Бывает здесь. Пристегнись!

Катер рванул с места. Мы подлетели к Виктору, и Даниэль помог ему втащить на борт. Он был бледный, отдышался. На его ноге, выше колена, зияла глубокая царапина, из которой сочилась кровь — должно быть, зацепился за коралл.

— Чёрт! — выдохнул он, не глядя на меня. — Течение... не заметил... унесло. А потом эта чёртова скала...

Даниэль уже доставал аптечку.

— Вам повезло, сэр. В такую погоду тут не шутят. Надо возвращаться.

На этот раз Виктор не спорил. Он сидел, сжимая рукой голень, и смотрел в сторону, куда его унесло. В его глазах читалась не боль, а злость. Злость на собственную оплошность, на стихию, на то, что «лучший кадр» не получился.

Я присела рядом, хотела прикоснуться, спросить, как он. Он слегка дёрнул плечом, отстраняясь.

— Всё в порядке. Мелочь.

Но это была не мелочь. В его голосе прозвучала та же холодная отстранённость, что и вчера, когда он говорил о «недалеких» людях. Только теперь объектом его презрения стало собственное несовершенство. И, как мне показалось, моё присутствие — свидетельство этого провала.

Обратный путь прошёл в тяжёлом молчании. Шторм так и не разразился, но тучи сгустились, окрасив рай в оттенки свинца и стали. В бунгало Виктор молча обработал рану, отмахнувшись от моих попыток помочь. Потом лёг на кровать, уставившись в потолок.

— Витя...

— Не сейчас, Алина. Голова болит.

Я замолчала, съёжившись. Всё было испорчено. Моя вина? Надо было нырнуть с ним? Удержать? Но как я могла?

Чтобы дать ему побыть одному, я вышла на палубу. Ветер стих, но небо по-прежнему хмурилось. Я села на край бассейна, опустив ноги в прохладную теперь воду. В кармане сарафана нащупала телефон. Безотчётно, почти против воли, я его достала.

Социальные сети были полны фотографий наших друзей из московской зимы. А здесь я — в раю, и мне одиноко и страшно. Ирония.

Пальцы сами потянулись к строке поиска. Я вбила: «Ксения автосервис Москва». Потом просто «Ксения» и фамилия Виктора. Потом различные вариации. Ничего. Ни еди-

ной зацепки. Как будто её не существовало.

Или она существовала в том параллельном мире Виктора, куда мне доступа не было. В мире деловых встреч, старых связей, «некрасивых» расставаний.

Я услышала шаги. Быстро выключила экран и сунула телефон назад. Виктор вышел на палубу. Он был уже в других шортах, лицо его стало спокойнее, но напряжение вокруг рта оставалось.

— Прости, — сказал он неожиданно тихо. — Набросился на тебя. Просто злился на себя. Ты не виновата.

Это была та самая уступка, которой я так ждала. Но почему-то она не принесла облегчения.

— Ничего, — прошептала я.

Он сел рядом, тоже опустил ноги в воду. Смотрел на свою заклеенную пластырем ссадину.

— Знаешь, в бизнесе, как и в океане, — сказал он задумчиво. — Расслабился на секунду — и тебя уносит. Надо всегда быть начеку. Всегда контролировать ситуацию.

— Но иногда же можно просто плыть по течению? — рискнула я.

Он повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнул привычный огонёк — снисходительный, наставнический.

— Плыть по течению можно, если ты уже в тихой заводи и достиг всего, чего хотел. Мы с тобой — нет. Мы только начинаем. Нам надо грести. И грести в нужном направлении.

Он говорил «мы», но подразумевал, как всегда, «я». Мне

оставалось лишь сидеть в его лодке.

— Спа в семь, не забудь, — напомнил он, вставая. — Надо смыть с себя этот неудачный день.

Он пошёл внутрь, но на пороге обернулся.

— И, Алина... забудь про эту Ксению. Серьёзно. Она того не стоит.

Дверь закрылась за ним.

Я осталась одна под нависшим небом. Вода в бассейне отражала серые тучи, превратившись из райской лагуны в кусок полированного камня.

— Забудь, — сказал он.

Но как забыть то, что стало уже не просто именем, а символом? Символом всего, о чём он мне не рассказывает. Символом того тёмного, стремительного течения, что подстерегало под зеркальной поверхностью нашей идеальной жизни. Течения, которое могло унести и ушибить о скалы.

Я сжала руки в кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Вес черепашьего панциря, который я видела сегодня, был осязаем, реален. А вес этой тайны, этого невидимого «прошлого», давил на меня сильнее. Он не оставлял синяков, но от него не было спасения.

Глава 4

Глава 4. Плохая актриса

Семь вечера. Я стою перед зеркалом в нашем бунгало и пытаюсь заставить себя улыбнуться. Отражение отвечает мне напряженной, вымученной гримасой. Я выгляжу, как того требует Виктор, — белое шелковое платье, волосы, уложенные в сложную, слегка небрежную волну (я потратила на нее сорок минут, следуя tutorialу), легкий макияж, подчеркивающий глаза. Картинка из журнала. Но глаза на картинке пустые.

— Алиночка, ты готова? — голос Виктора из главной комнаты звучит оживленно, будто того злосчастного инцидента с течением и вовсе не было. Он умел переключаться. Стирать неудачи, как ластиком.

— Да, почти! — кричу я в ответ, и снова эта фальшь в голосе. Я становлюсь плохой актрисой в его идеальном спектакле.

Спа-центр отеля представлял собой лабиринт из темного дерева, бамбука и прозрачного стекла, стоящего прямо над лагуной. Воздух был густым от запахов иланг-иланга, сандала и морской соли. Нас встретила терпеливо улыбающаяся сотрудница с лицом, как у фарфоровой куклы, и проводила в комнату для ритуала молодоженов.

Комната была огромной, с двумя массажными столами у самого окна, за которым в последних лучах заката темнела вода. Горели свечи. Звучала тихая, гипнотическая музыка.

— Оставляем мир за дверью, — сказала девушка. — Два часа полной гармонии. Ваши халаты здесь. Мастера ждут вас через пятнадцать минут.

Она вышла, оставив нас одних. Виктор скинул рубашку и, поймав мой взгляд в зеркало, улыбнулся.

— Ну что, женушка, готовься расслабляться. Говорят, у них здесь руки золотые.

— Да, — киваю я, отворачиваясь и снимая платье. Моя спина чувствует его взгляд. Он наблюдает. Всегда наблюдает. Оценивает. Я натягиваю мягкий хлопковый халат и подхожу к окну, делая вид, что очарована видом.

Он подходит сзади, обнимает. Его губы касаются моего плеча.

— Самое красивое здесь — ты.

Я закрываю глаза. Почему его комплименты, которые раньше заставляли меня таять, теперь кажутся штампованными? Частью программы «Идеальный медовый месяц».

Входят два массажиста — мужчина для Виктора и женщина для меня. Мы ложимся на столы. Прохладное масло льется на кожу, сильные пальцы принимаются за работу.

Первые минуты — просто боль. Я не осознавала, насколько зажата. Плечи, шея, спина — каменные глыбы под кожей. Массажистка, немолодая малайзийка с добрыми рука-

ми, мягко говорит по-английски:

— Расслабься, девочка. Ты вся в узлах. Дыши.

Я пытаюсь дышать. Но расслабиться невозможно. Я слышу, как вздыхает от удовольствия Виктор на соседнем столе. Ему хорошо. Он умеет принимать блага жизни. А я лежу и думаю. Думаю о сообщении. О царапине на его ноге. О том, как он отстранился от меня в катере. О слове «пыль».

— Что-то не так? — его голос, тихий, но отчетливый, решает тишину.

Я открываю глаза и поворачиваю голову. Он лежит на боку, подперев голову рукой, и смотрит на меня. Его массажист продолжает работу, будто не замечая диалога.

— Нет, все хорошо. Просто... непривычно.

— Тебе должно нравиться, — говорит он, и в его тоне снова сквозит легкое, почти незаметное раздражение. — Я же стараюсь.

Это «я же стараюсь» бьет точно в солнечное сплетение. Давит грузом благодарности, которой я не чувствую. Я обязана получать удовольствие. Иначе его усилия напрасны.

— Я знаю, Витя. Спасибо.

Я закрываю глаза, стараясь сосредоточиться на руках массажистки, на запахе масел. Но мысли — как назойливые мошки.

— Знаешь, я тут подумал, — снова начинает Виктор, и я чувствую, как вся напрягаюсь в ожидании. — Нам стоит, наверное, купить квартиру поближе к моим родителям. В том

ЖК, о котором я говорил. Там и охрана отличная, и инфраструктура. Тебе не придется ни о чем беспокоиться.

Мне не придется. Опять. Я сжимаю пальцы.

— А как же моя учеба? — срывается с губ. — До института оттуда час с половиной на машине в лучшем случае.

Наступает пауза. Массажистка замедляет движения. Она всё слышит.

— Алина, о какой учебе речь? — голос Виктора становится мягким, убеждающим, как будто он объясняет ребенку, почему нельзя трогать розетку. — Ты выходишь замуж. У тебя скоро будут другие заботы. Дом, семья, приемы, возможно, помощь мне в офисе... Архитектура — это прекрасное хобби. Ты можешь рисовать свои домики для души.

— Это не домики, — говорю я сквозь зубы, и голос мой дрожит от обиды. — И это не хобби. Это моя профессия. То, чем я хочу заниматься.

— Хочешь? — он произносит это слово так, будто оно немного смешное. — Детка, ты не представляешь, что такое настоящая работа. Это не чертежи и фантазии. Это стресс, дедлайны, клиенты-хамы. Я не позволю тебя в это втянуть. Я могу тебя обеспечить. Зачем тебе это?

— Чтобы чувствовать себя человеком! — вырывается у меня громче, чем я планировала.

В комнате повисает тягостное молчание. Музыка кажется теперь насмешкой. Моя массажистка замерла. Его — тоже.

Я поворачиваю голову и вижу его лицо. На нём нет гне-

ва. Есть холодное, безразличное удивление. Как будто я — собачка, которая вдруг заговорила человеческим голосом и нахамила.

— Ты чувствуешь себя не человеком со мной? — спрашивает он тихо, но так, что каждый слог отдается ледяной галькой.

Я понимаю, что зашла слишком далеко. Испортила его «идеальный вечер». Опять.

— Нет... я не это имела в виду...

— Похоже, массаж не помогает тебе расслабиться, — говорит он, садясь на массажном столе и накидывая халат. — Ты вся на нервах. Из-за той дурацкой истории с телефоном?

Он произносит это при посторонних. Мне хочется провалиться сквозь стеклянный пол в темную воду.

— Может, вы нам дадите минутку? — обращается он к массажистам. Те, не говоря ни слова, кивают и выходят, оставляя нас одних в свечном полусвете.

Он подходит к моему столу. Я лежу, прикрытая простыней, чувствуя себя абсолютно беззащитной.

— Послушай меня, Алина, — он говорит медленно, четко выговаривая слова. — Я устал от этой твоей... нервозности. Мы в раю. Я трачу кучу денег и сил, чтобы ты была счастлива. А ты... ты ищешь проблемы. То в телефоне копаешься, то об учебе заводишь разговор в таком месте.» Он проводит рукой по волосам. «Может, дело не в Ксении? Может, дело в

том, что ты не готова к взрослой жизни? К ответственности?

Это удар ниже пояса. Точно рассчитанный. Он знает мои тайные страхи — что я слишком молода, что прыгнула в омут с головой.

— Я готова, — шепчу я, и в глазах наворачиваются предательские слезы. — Прости.

Он смотрит на меня долго. Потом вздыхает, и его выражение лица смягчается. Он садится на край стола, кладет руку на мое плечо. Его прикосновение уже не кажется теплым.

— Ладно. Ладно, не плачь. Просто пойми — я старше. Я знаю жизнь. Я строю для нас крепость. А в крепости не нужны архитекторы-идеалисты. Нужны верные жены. Хранительницы очага. Ты сможешь стать такой?

Что я могу ответить? Нет?

Я киваю, не в силах выговорить слово.

— Вот и умница. — Он наклоняется и целует меня в лоб. — Забудь этот разговор. Давай просто закончим процедуру. И постарайся получить удовольствие, хорошо? Для меня.

Он подзывает массажистов, которые ждали за дверью. Процедура продолжается. Я лежу неподвижно, как труп, и смотрю в потолок. Масло на коже кажется липким, противным. Руки массажистки, которые минуту назад приносили облегчение, теперь кажутся чужими, бесцеремонными.

Он победил. Снова. Он заставил меня извиниться за мои желания. Он превратил мою мечту в «хобби», а мои страхи — в доказательство моей незрелости.

Мы выходим из спа через два часа. Я чувствую себя разбитой, а не расслабленной. Виктор, напротив, сияет. Он оживленно болтает о том, какой прекрасный был массаж, и какие планы у него на завтра.

— Я забронировал ужин в ресторане на воде, том самом, что на сваях. Там даже стеклянный пол в зале, представляешь? Рыбки будут плавать прямо под твоими ногами.

— Звучит здорово, — автоматически отвечаю я.

Мы идем по темной дорожке к нашему бунгало. Воздух теперь прохладный. Над головой — россыпь незнакомых, слишком ярких южных звезд.

— Витя, — говорю я внезапно, сама не зная, откуда берется смелость. — А что там было «некрасивого» с Ксенией?

Он останавливается как вкопанный. Потом медленно поворачивается ко мне. Его лицо в свете луны резкое, скульптурное.

— Ты опять об этом?

— Мне просто... интересно. Чтобы понимать.

Он смеется. Коротко, сухо.

— Чтобы понимать? Хорошо. Она была алчной и меркантильной. Хотела вытянуть из меня все соки, прибрать к рукам бизнес. Устраивала истерики, шантаж. В конце пыталась опорочить меня перед моими же родителями, сочиняла небылицы. Пришлось действовать жестко. Очень жестко. Довольна?

Его слова падают, как камни. «Алчная». «Меркантильная». «Истерики». Он выписывает портрет монстра. И противопоставляет ему себя — жертву, вынужденную «действовать жестко».

— Что значит «жестко»? — чуть слышно спрашиваю я.

Он подходит вплотную.

— Это значит, что я защитил то, что было мне дорого. Свою репутацию. Свой бизнес. Свою жизнь. И я не позволю никому, — он делает паузу, смотрит мне прямо в глаза, — НИКОМУ снова в нее влезть и всё испортить. Я построил эту жизнь. И я её сохраню. Ценой чего угодно. Понятно?

Я не могу пошевелиться. Я просто киваю.

— Хорошо, — он снова меняется в лице, и в его глазах появляется привычная теплота, будто кто-то щелкнул выключателем. — Тогда забудем эту тему навсегда. Давай домой. Я заказал для нас шоколадный фонтан.

Он берет меня за руку, и его ладонь теперь кажется не защитой, а наручниками.

Я иду рядом, и в голове стучит одна мысль: он сказал «ценой чего угодно». И посмотрел на меня так, будто это предупреждение относилось не только к прошлому. Но и к будущему.

К нашему будущему.

А я, плохая актриса, должна изображать счастливую невесту, которая боится лишь одного — разозлить своего режиссёра.

Глава 5

Глава 5. Плоть и камень

Шоколадный фонтан прибыл вместе с ледяным шампанским. Он стоял на низком столике на террасе, под звёздами, и пузырился тёмным, тягучим искушением. Я смотрела на него, и меня тошнило от сладкого запаха.

— Попробуй, — настаивал Виктор, обмакивая в шоколад идеальную клубнику. — Ты же любишь.

Это было правдой. Я любила. Ещё неделю назад я бы визжала от восторга. Сейчас этот ритуал казался частью спектакля. Следующей сценой после «примирения».

Я взяла ягоду, сделала маленький укус. Шоколад был горьковатым, насыщенным. Он прилип к нёбу, как смола.

— Вкусно?

— Да, — солгала я. — Очень.

Он улыбнулся, довольный. Потом отставил тарелку и подлил шампанского в мой бокал.

— Забыть всё плохое. С чистого листа. Согласна?

Я кивнула, чокнулась с ним. Хрусталь издал тонкий, печальный звон. Я выпила залпом. Холодные пузырьки обожгли горло.

— Не так быстро, — мягко остановил он, прибирая бокал. — Опьянеешь. А у меня на тебя другие планы.

В его глазах вспыхнул знакомый огонь. Не тёплый, а жаждающий. Собственнический. Это был тот взгляд, от которого раньше мурашки бежали по коже, а сердце начинало биться чаще. Сейчас по спине пробежал холодок. Я поняла: эта ночь — часть наказания. Или, в его понимании, окончательное примирение. Через моё тело.

Он встал, протянул мне руку.

—Идём.

Я положила свою ладонь в его. Она была холодной от бокала. Его пальцы сомкнулись, крепкие, не оставляющие выбора. Он повёл меня внутрь, не глядя на звёзды, на океан, на недоеденный фонтан.

В спальне горел только свет под навесной кроватью, отбрасывая мягкие тени на стены. Воздух всё ещё пахнул ароматическими палочками из спа. Запах был тяжёлым, удушающим.

Он остановил меня посередине комнаты и сам начал развязывать пояс моего халата. Движения были медленными, ритуальными. Я стояла, не двигаясь, как манекен. Халат соскользнул с плеч, упал на пол бесшумным облаком. Под ним было только тонкое шёлковое бельё из той же спа-корзины — короткий пеньюар, который скорее подчёркивал, чем скрывал.

—Какая ты красивая, — прошептал он, проводя кончиками пальцев по моей ключице. Его прикосновение обжигало. — Вся моя.

Он наклонился и прижался губами к тому месту, где только что прошла его рука. Поцелуй был влажным, требовательным. Я зажмурилась, пытаюсь отыскать внутри себя хоть искру отклика. Там была только пустота и комок страха, который подкатывал к горлу.

—Расслабься, — сказал он в мою кожу, чувствуя, как я напряглась. — Я же не укушу.

Но это была неправда. Он уже кусал. Словами. Взглядами. Контролем. Тело было лишь следующей логичной территорией для завоевания.

Его руки скользнули по моим бокам, задержались на талии, потом одной ладонью прижали меня к себе, а другой начали стаскивать пеньюар. Ткань зацепилась за пряжку его ремня. Он с лёгким раздражением дёрнул, и шёлк со свистом порвался.

—Неважно, — пробормотал он, не останавливаясь. — Куплю другой. Десять других.

Он поднял меня на руки — легко, как перышко, демонстрируя силу, которая всегда так меня впечатляла, — и уложил на кровать. Покрывало было холодным. Я смотрела на балдахин из москитной сетки, на тени, которые плясали на нём от света снизу. Они были похожи на причудливых, зловещих существ.

Он раздевался не торопясь, с той же демонстративной уверенностью, с какой делал всё. Бросал одежду на пол. Его

тело было действительно красивым — подтянутым, сильным, с чёткими мышцами, которые он поддерживал часами в спортзале. Тело успешного хищника.

Он накрыл меня собой, и его вес, привычный и когда-то желанный, теперь давил на грудь, мешал дышать. Он целовал меня в губы, глубоко, настойчиво, и я старалась отвечать, имитируя страсть, двигаясь так, как, как я помнила, ему нравилось. Я стала актрисой в самом буквальном смысле. Каждым вздохом, каждым стоном, который я из себя выдавливала.

— Вот так, — бормотал он, его дыхание стало тяжелее. — Вот так, моя хорошая. Ты видишь, как мы идеально подходим друг другу?

Я ничего не видела. Я чувствовала только его кожу, слишком горячую; его руки, которые знали, куда прикоснуться, чтобы вызвать реакцию, даже против моей воли; и страшную, леденящую отстранённость в самой сердцевине моего существа. Я разделилась пополам. Одна часть — та, что извивалась под ним и издавала звуки. Другая — висела под толком и с холодным ужасом наблюдала за этим действием.

Он что-то говорил. Шёпотом, с хрипотцой. Слова любви? Владения? Я не различала. Они сливались в один угрожающий гул. Его движения стали резче, требовательнее. Он впибался пальцами мне в бёдра, оставляя вмятины, которые завтра станут синяками. Раньше я находила в этом что-то дико эротичное. Сейчас это было больно. Унизительно.

Я повернула голову в сторону, чтобы он не видел моих глаз. Мой взгляд упал на стеклянный пол. Лунный свет пробивался сквозь воду, и там, в глубине, проплыла тёмная, длинная тень. Акула? Манта? Иллюзия? Не важно. Я зацепилась за этот образ. За эту тень, свободную и невесомую в своей стихии. Я представила, что я — она. Что я не здесь, в этой кровати под тяжёлым телом мужа. Я там, в прохладной, безмолвной синеве, где нет слов, нет обещаний, нет имени «Ксюша».

—Алина, — его голос, резкий, вырвал меня из спасительного забытья. Он перестал двигаться. — Ты где?

Я заставила себя встретиться с его взглядом. Его лицо было близко, разгорячённое, с каплями пота на висках. В его глазах плескалось не удовольствие, а раздражение. И подозрение.

—Я... здесь, — прошептала я, обвивая его шею руками, притягивая к себе, чтобы он не видел моего лица. — Просто так хорошо... что теряю голову.

Он на мгновение замер, оценивая. Потом, кажется, поверил. Или решил поверить. Он снова опустил голову мне на плечо, и его движения возобновились, теперь уже с финальной, неистовой интенсивностью, целью которой было уже не взаимное удовольствие, а утверждение. Завоевание.

Я лежала неподвижно, снова глядя в потолок, сжимая зубы, чтобы не закричать — не от страсти, а от отчаяния. Внут-

ри росло чувство, которое было страшнее страха. Омерзение. К нему. К себе. К этому телу, которое предавало меня, реагируя на прикосновения, которые я ненавидела.

Когда всё закончилось, он тяжело рухнул рядом, запыхавшийся, довольный. Провёл рукой по моему животу, влажный от пота.

— Вот видишь, — выдохнул он. — Всё прекрасно. Когда ты не забиваешь себе голову ерундой.

Я не ответила. Я не могла. Я боялась, что, если открою рот, из него вырвется рыдание или крик.

Он повернулся на бок, обнял меня, прижал к себе спиной к груди. Его дыхание постепенно выравнивалось, становилось глубоким.

— Спи, — пробормотал он уже почти во сне. — Завтра я покажу тебе кое-что ещё более захватывающее.

Через несколько минут он заснул. Его рука, тяжёлая и влажная, лежала у меня на талии, как наручник.

Я лежала, глядя широко открытыми глазами в темноту. Тело ныло, на бёдрах и на запястьях чувствовалась лёгкая, жгучая боль. Запах его кожи, его пота, смешанный с запахом секса и дорогого постельного белья, стоял в комнате, как в застенке. Я хотела встать, смыть с себя всё это. Но боялась его разбудить. Боялась новых вопросов. Нового недовольства.

Вместо этого я медленно, миллиметр за миллиметром, стала выskalзываться из-под его руки. Он хмыкнул во сне, но

не проснулся. Когда я высвободилась, мне показалось, что я вырвалась из капкана.

Я босиком, вся голая, вышла на террасу. Ночной воздух был прохладным и чистым. Он смывал с кожи липкий ужас. Я подошла к самому краю, к ограждению, и вдохнула полной грудью, чувствуя, как лёгкие наполняются солёной свежестью.

Внизу, в чёрной воде, снова мелькнула тень. Большая, одинокая.

Я смотрела на неё и плакала. Беззвучно, чтобы не разбудить дракона в его логове. Слёзы текли по моему лицу, солёные, как океан, и так же бесконечные.

Это была не страсть. Это было насилие. Тихое, одобренное законом и обетом, но от того не менее настоящее. Он взял моё тело, потому что оно принадлежало ему. Как и моё время. Мои мечты. Моё право на сомнения.

Я обняла себя за плечи, пытаюсь согреться. Отчаяние смешалось чем-то другим. Твёрдым. Острым, как осколок стекла.

Он думал, что купил меня. Что своим вниманием, деньгами, этой поездкой он оплатил право на мою жизнь. На мою покорность.

Но там, в глубине, под страхом и омерзением, зарождалось что-то новое. Недосказанное слово. Невыплаканная ярость.

Это было только начало. Его начало. Но и моё тоже.

Тень в воде сделала плавный разворот и исчезла в темноте. Я вытерла слёзы тыльной стороной ладони. Потом повернулась и тихо, как тень сама, прошла обратно в спальню.

Я не лягу рядом с ним. Я взяла подушку и одеяло, аккуратно, чтобы не шуршать, и устроилась на огромном диване в гостиной. На стеклянном полу подо мной спали рыбы. Над морем вставала луна.

Я закрыла глаза. И впервые за весь день моё тело, наконец, расслабилось. Потому что оно было свободно от его прикосновений.

С этого момента я буду спать одна. Это будет моя маленькая, ничтожная победа. Мой первый шаг к спасению. Даже если он об этом ещё не знает.

Глава 6

Глава 6. Последствия тишины

Я проснулась от щемящей боли в шее и пронизывающего холода. Рассвет окрашивал небо в грязновато-розовые тона, а через гигантские окна в гостиную дул пронизывающий сырой ветер с океана. Я лежала, закутавшись в тонкое шёлковое одеяло, и дрожала мелкой дрожью. На стеклянном полу подо мной было пусто — ночные рыбы разбежались, испуганные первыми лучами.

Тишина в бунгало была абсолютной. Слишком абсолютной. Не было слышно даже его дыхания.

Я осторожно приподнялась, натягивая на плечи порванный пеньюар. В спальне было пусто. Кровать стояла нетронутой с моей стороны. Где спал он, Простыни были скомканы, подушка сохранила вмятину от его головы. Но самого Виктора не было.

Первой реакцией было облегчение. Острое, почти головокружительное. Я могла дышать, не оглядываясь. Могла пошевелиться, не боясь встретить его оценивающий взгляд.

Потом пришла тревога. Где он? Вчерашний «ритуал примирения», кажется, не закончился для него так же, как для меня. Возможно, он проснулся, обнаружил меня на диване и... ушёл? В гневе? Чтобы остыть?

Я прошлепала босиком в ванную — огромное мраморное пространство с душем на троих. Там тоже было пусто. Его бритва и дорогой одеколон стояли на своих местах. На раковине лежало его полотенце, смятое, влажное по краям. Значит, он уже мылся. Не разбудив меня.

Моё отражение в зеркале заставило меня вздрогнуть. Бледное лицо с синяками под глазами, запекшиеся губы, спутанные волосы. И следы. Четкие, синеватые отпечатки его пальцев на бёдрах, чуть выше того места, где заканчивался пеньюар. Я тронула один из них кончиками пальцев. Больно. Он не просто брал. Он забирал.

Я быстро отвернулась от зеркала, включила воду и стала умываться ледяной струёй, пытаюсь смыть с себя ощущение его рук, его веса, его собственнического шёпота. Но вода была бессильна. Это было не снаружи. Это было внутри.

Одевшись в самый простой сарафан — не из его подарков, а свой, старый, хлопковый, — я вышла на террасу. Утро было пасмурным, ветреным. Бассейн колыхался маленькими, нервными волнами. Океан был свинцовым, недружелюбным.

И тут я увидела его.

Он стоял на самом конце нашего частного пирса, в двадцати метрах от бунгало. Спинай ко мне. В шортах и футболке, без головного убора, хотя солнце уже пробивалось сквозь рваные тучи. Он не двигался. Просто смотрел на горизонт, где небо сливалось с бушующей водой. Его поза была неестественно прямой, застывшей. Как у капитана на тонущем ко-

рабле.

Я не стала его звать. Не хотела разрушать эту хрупкую, неловкую передышку. Вместо этого я вернулась внутрь и заказала завтрак. Кофе, свежий сок, круассаны. На двоих. Автоматически. Как хорошая жена.

Еду принесли быстро, на красивом подносе. Я расставила всё на столике на террасе, под навесом от начинающего накрапывать дождя. Потом всё же решилась позвать.

—Витя! Завтрак!

Он обернулся медленно, как будто возвращаясь из очень далёкого путешествия. Лицо его было каменным, без эмоций. Он кивнул и неспешным, размеренным шагом пошёл по пирсу. Каждая его поступь отдавалась в моих висках глухим стуком.

Он сел за стол, не глядя на меня, потянулся к чашке с кофе.

— Спасибо, — сказал он ровным, бесцветным голосом.

— Пожалуйста, — прошептала я. Потом, после паузы, которую резала только трель какой-то тропической птицы, добавила: — Ты где был?

— Гулял. Думал.

Он отпил кофе, поставил чашку. Его движения были чёткими, экономными. Как у робота.

— О чём? — рискнула я спросить.

Наконец он поднял на меня глаза. В них не было вчераш-

ней ярости или сегодняшней утренней пустоты. В них было что-то новое — холодная, выверенная оценка. Как будто он рассматривал не жену, а сложный механизм, в котором произошла поломка.

— О нас. О твоём поведении.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица.

— В чём... в чём дело?

— Ты ушла. После близости. Ты ушла спать на диван. —

Он произнёс это как констатацию.

— Не хотела тебя будить. Решила...

— Врёшь, — отрезал он спокойно. — Ты могла не уснуть и рядом со мной. Ты ушла, потому что тебе было противно. Потому что тебе не понравилось.

Он вычислил всё. До последней запятой. Я почувствовала себя голой и беспомощной. И очень, очень глупой, что думала, будто моя маленькая демонстрация пройдёт незамеченной.

— Нет, Витя, это не так...

— Перестань, Алина. Ты плохо врёшь. Это раздражает. — Он отодвинул тарелку с нетронутым круассаном. — Давай начистоту. Ты чего-то боишься. Или кого-то. Этой Ксении?» Он усмехнулся, но в усмешке не было тепла. «Или... тебе уже кто-то другой нравится? Тот инструктор по дайвингу, с которым ты флиртовала в первый день? Марк, кажется?

У меня перехватило дыхание. Он видел. Он всё видел. И запомнил имя.

— Я не флиртовала! Мы просто разговаривали!

— Не повышай голос, — мягко, но железно остановил он.

— Я не слепой. И не дурак. Ты смотрела на него так, как на меня уже давно не смотришь.

Он встал и подошёл к самому краю террасы, опёрся руками на перила, глядя на бушующий океан. Дождь усилился, застучал по крыше навеса.

— Ты знаешь, что самое обидное? — сказал он в пространство. — Я вложил в тебя столько сил. Время, деньги, эмоции. Я выбрал тебя из сотни других. Потому что ты была... чистой. Настоящей. Без фальши. А теперь ты устраиваешь эти дешёвые женские игры. Ревнуешь к призракам. Заглядываешься на первого попавшегося авантюриста. И отказываешь мужу в его законном праве.

Он повернулся ко мне. На его лице не было ни капли той нежности, что бывала раньше. Теперь это было лицо стратега, который пересчитывает потери.

— Я не отказывала, — выдохнула я, и в голосе послышались слёзы. — Я просто...

— Теперь мы исправляем ситуацию. Ты нарушила правила. Будут последствия.

— Какие? — голос мой стал тонким, как паутинка.

— Во - первых, никаких тебе самостоятельных «прогулок» и «ныряний». Весь оставшийся отпуск мы проводим вместе. Ты под присмотром. Поняла?

Я кивнула, сжимая под столом колени, чтобы они не дро-

жали.

— Во-вторых, ты перестаёшь копаться в моём телефоне и выдумывать несуществующие проблемы. Забудь это имя. Я сказал.

— Хорошо.

— В-третьих, — он сделал паузу и подошёл совсем близко, навис надо мной. — Ты больше никогда не отвернёшься от меня в постели. Никогда. Ты моя жена. И твоё место — рядом со мной. Всю ночь. Каждую ночь. Это не обсуждается.

Я снова кивнула, чувствуя, как слёзы, наконец, прорываются и текут по щекам. Он наблюдал за ними без сочувствия.

— Ты плачешь? Зря. Я не делаю тебе больно. Я просто расставляю точки над *i*. Чтобы в будущем не было недопонимания. Для твоего же блага.

Он вытащил из кармана шорт платок — белый, чистый, дорогой — и протянул мне. Я машинально взяла.

— Утрись. И доедай завтрак. Через час у нас запланирован визит на местный рынок. Нужно купить сувениров твоим родителям. Покажешь им, какая у них теперь благополучная дочь.

Он повернулся и ушёл в комнату, оставив меня одну под стук дождя. Я сидела, сжав в руке его платок, и смотрела, как круассан размокает в лужице кофе на моей тарелке.

Последствия. Они наступили. Не в виде скандала, который можно переждать. А в виде холодных, неоспоримых правил. Я оказалась не просто в золотой клетке. Я оказалась

в камере с жёстким режимом. И надзиратель только что чётко обозначил границы.

Тишина, которая воцарилась после его ухода, была громче любого крика. Она звенела в ушах, давила на виски. Это была тишина капитуляции. Моей капитуляции.

Я подняла глаза. На горизонте, в разрыве туч, на несколько секунд выглянуло солнце. Оно осветило бунгало на соседнем островке. Там, на террасе, я увидела чью-то фигуру. Высокую, спортивную. Человек смотрел в бинокль куда-то вдаль. Это был Марк.

Наша случайная встреча в первый день, наш мимолётный разговор — всё это теперь казалось невероятно далёким, почти сном. И невероятно опасным. Виктор запомнил. А значит, любое моё движение в ту сторону будет расценено как мятеж.

Я быстро опустила взгляд, словно меня могли поймать на преступлении. И в этот момент поняла самую страшную вещь.

Мне было страшно не только его гнева. Мне было страшно, что он прав. Что я нарушила «договор». Что я — плохая жена. Что мои сомнения, мои желания, моё тело, которое не захотело его вчера, — всё это было моей ошибкой. Моей виной.

Он не просто наказал меня. Он заставил меня поверить, что я заслуживаю этого наказания.

Я медленно поднялась из-за стола, зашла внутрь и пошла

в спальню — собираться на рынок. Виктор уже был готов, сидел в кресле и листал что-то на планшете. Он не посмотрел на меня.

— Надень то голубое платье. Оно тебя стройнит. И нанеси больше тонального. Ты выглядишь уставшей.

Я покорно кивнула и пошла выполнять приказ. В голове гудел только один вопрос: если уже сейчас, на шестой день медового месяца, я чувствую себя так, то что будет потом? В той самой «крепости», которую он строит для нас в Москве?

Ответа не было. Была только тишина. Глухая, всепоглощающая. И в ней тонули последние обломки той девушки, которая когда-то верила в любовь.